

У Эвксинского Понта

Тут и Феодосия-голубка
гулит соль из прибрежных чаш,
и на ощупь твердая Алупка,
и предатель родины Сиваш.

I

Весь воспаряющий над Черноморьем Крым
в заплатах дымчато-лиловых:
и дамы смуглые, берущие калым
с любовников бритоголовых,
и честно пашущий кораблик вдалеке,
уподоблённый блестящей точке,
где мака дикого на черепе-скале
оранжевые лоскуточки,
и камни пегие, подобно тушкам птиц,
и пляж с пьянчугой-красноярцем,
и пышный сосен мех длиннее игл и спиц
— над белой осыпью и кварцем.

Здесь снова испытать улыбчивый испуг
на циклопической ступени
тропой сыпучею — стопа в стопу
придут однажды наши тени.

II

Испарения ирисов, роз
и мираж аюдагского мыса.
Ливадийский бочоночный воск
опечтал врата парадиза.

И от йодистой знойной воды
манит тенью татарская арка.

Как обветрились у бороды
и в подглазьях морщины монарха.

Заломил, задробил соловей,
заглушая зазывное: "Ники!"
— относимое ветром *левей*
всей социалистической клики.

...Не задаром дарует Господь:
и на кортике крабью чеканку,
и лозу, и любезную плоть,
и у белого мола стоянку,
и грузинской дороги пенал,
и казачью Украину воловью,
и Тобольск, и свинцовый Урал
с голубою емелькиной кровью.

III

В цепких объятях глициний
спит Ливадийский дворец.
Особи лавров и пиний
возле татарских крылец
словно забыли с владельцем
свой погребальный союз.
Лишь студенистые тельца
прямо на гальку медуз
Понта Эвксинского качка
бросила в йодистый зной.

Это темна, как болячка
на локотке у родной,
роза в скорлупчатой чаще,
стриженной по окоём...
И августейшее — слаще
в смертном обличье своем.

IV

Пенистый малахит
в скальной оправе Понта
больно глаза слепит
вспышками горизонта.
Перебегая в тень,
стала от зноя слаще
вянущая сирень
в дикой приморской чаше,
что от татарских дуг
сонных манила новью
и — обернулась вдруг
белогвардейской кровью.

Конские черепа
скал высоки, отвесны.
В осыпь ведет тропа
прямо по краю бездны.
Грубый хитон, хитрец,
было надел Волошин,
сей любодей-истец
гладких морских горошин.
Но все равно слышать
бойню чрезвычайки.
И перестав скучать,
падали алчут чайки.

V

В новосветской хибарке, дотоль
нежилой еще в этом сезоне,
под дождем, барабанящим в толь,
с паучком-паникером в ладони...

Сосен пушистых стая
сгрудилась над отвесной —

свечи в ветвях качая —
тайно манящей бездной.

Что если, прыгнув с ходу,
плавно на камни ляжешь,
перемогнув природу...
Что мне на это скажешь

ты, заслонясь враждою
к Новому Свету — раю?
Что за моей спиною
мне припасли, не знаю:

пайку ли на затравку
с проволкой на заборе,
или в ночи удавку,
или иное море...

Жертвенное нетленно.
Веще многогласно.
Гибельное мгновенно,
ласково, безопасно.

VI

Милая по руке
хлоп! — как когда б отравлено.
За полдень в погребке
много чего оставлено.

Большому кургану сродни Митридат.
Коптится и вялится Керчь.
Товарок ее контрабандный наряд
и ныне способен зажечь.
А там — за проливом — невестится в рань,
вечер золотисто-грязна
над тускло-бутылочной гладью Тамань,
притон, арсенал и казна.

А Кафа бела на зеленой горе,
где тѣмен изменчивый Понт
иль дымно-прозрачен, когда на заре
зазывно открыт горизонт.

Не думай, что это бесплотный мираж
забресжил сквозь ветхую ткань:
из волн поднимается после пропаж
державная Тмутаракань!

1980

* * *

Добровольческий спелый
обреченный снежок.
Знать, у косточки белой
перед нами должок.

Потускнели медали
и потеря погон,
но уносится ялик
прямиком на Афон.

Там на пастбищах юга
круглый год сенокос
и светлее округа
от молитвенных слез.

Там прощаются долги.
Средь сокровищ иных
в темной ризнице — полки
с черепами святых.

...Нам чужого не надо,
мы пойдем прямиком
по следам продотряда
прямо в Иродов дом.

Покартавь с ходоками,
Ирод, как на духу.
Мы своими руками
из тебя требуху

.....

.....

В разоренные ясли
вифлеемской ночи
только иней на прясле
опускает лучи.

Надо пасть на колени,
чтоб к намоленной меди креста
где-нибудь на Мезени
примерзали уста.

1979, 1992

Осень в Скифии

Где Овидий, завидев, спешит из сторожки,
лавровишней венчанный бедняк,
для кормежки
блудных пляжных собак,
наклоня повинно плешивое темя,
словно тем признаваясь легко,
что и в старческой темени скудное семя
ищет, где глубоко,

кто-то выпотрошил содержимое грозных
присмиривших валов:
с перламутром толченым ракушечник слезный
вместе ждуг холодов.

Сколько нежности в том, что уже потеряло
право быть на виду,
испарилось, пропало
в баснословном году!

...Словно рядом стрекочет размытая лента,
уходя в пустоту,
и латентно
в темноте на свету
вижу пригоршни позеленевшей монеты,
тот кувшин, что распили вдвоем...
Драгоценная, где ты?
И Боспорского царства поделки — браслеты
всё ль тусклы на запястье твоём?

1987

Неотправленное письмо

Пищу, будто попусту брещу
про давние наши шу-шу,
как будто отправить депешу
тебе, задыхаясь, спешу.

Как в годы застоя, желанна
и в годы убойных реформ.
И розовый персик Сезанна
всё с той же неровностью форм.

За четверть без малого века
я, видимо, стал вообще
прохожим с лицом имярека
в потертом на сгибах плаще.

Тебе же дается по вере
все новую брать высоту,
ты там у себя в ноосфере
всегда на слуху, на свету.

Нам было непросто ужиться,
ведь жить — означает одно:
все глубже и глубже ложиться,
все глубже ложиться на дно.

...Когда же ты мысленным взором
прочтешь, изменяясь в лице,
о белого света и скором
и необратимом конце,

нахлынувший ветер своими
холстами тотчас
возьмется сырыми,
как мумий, спелёнывать нас.

1999

Крым **По памяти**

...Там фосфоресцирует космос открытый
и с ним породненный прибой басовитый.

Под ситцем, готовым ожог холодить,
разлучниц тела не успели остыть.

Лабает с братвой безымянной джазбанды
небритый пахан на свету танцверанды,

то голову в плечи, то весь напоказ,
всю утварь ударных задействовав враз.

Зловеще, щемяще, таинственно, чудно
с иудиным цветом сошлись обоюдно

колючие розы в сплетенье срамном,
не ведая тоже, что будет потом.

1992

* * *

Помнишь — вроде котлована
капище в грозу,
в память Максимилиана
первую слезу...

Максимилиан Волошин,
киммерийский жрец,
сердоликовых горошин
любодей-истец.

Впрямь с мешком из-под картошки
схож его хитон,
по вискам волос сережки
треплет аквилон.

Гость, которого не ждали,
вновь пришел на свет
откопать своих сандалий
архаичный след.

Ту находку на сыпучей
тропке в свой черед
заждались в разбухшей туче
тонны пленных вод.

.....

.....

Ели крабов, крыли власти,
по лбу шла тесьма.
За столом кипели страсти
странные весьма.

На любительском спектакле
бесконечном том
как не спутать было паклю
с золотым руном?

И никто не знал, совея
от избытка муз:
Феодосия — Вандея,
столп — а не искус.

1977, 1992

Осень в Гурзуфе

К сентябрю от агитбригад цикад
остаются сушие единицы.
Их еще звучащие невтопад
хуже оркестрованы небылицы.
По утрам пугливые из засад
прилетают пегие голубицы.

Кто их знает, выбрали почему
лоджию моего вертепа.
Не любить тебя? Расскажи кому —
не поверят, хмыкнут: реликт совдепа.
Не любить тебя... как не пить в Крыму —
так же унизительно и нелепо.

Время, время, дотемна заолифь
в баре моря около в раме скверной,
где бежит волна на зубчатый риф,
разом и смиренницу, и инферно —
впредь недосыгаемую Юдифь
кисти усмиренного Олоферна.

2001

* * *

Опасно гребущему против теченья
не верить в значение предназначенья.

Он всё, что поблизости и вдалеке,
не плотно, но жадно зажал в кулаке.

Видения потустороннего мира
пожутче заточек дантиста Шапиро.

А то снимали в теньке пиджаки
и хавают ханку, галдя, мужики.

Зачем стихотворца будить на скамейке
ударом под дых, как бомжа в телогрейке, —

ему, наставляя в таинственный путь,
так много вложили в стесненную грудь.

.....

.....

В Тавриде спелее кизил на пути, и
еще родовитее из Византии

шиповник на склонах пригретых, пока
мгновенный потоп не вспорол облака.

Коснея в упрямстве своем торопливом,
не мни испугать меня скорым разрывом.

Как вихрь, пробежавший по водам, затих
я, медиум тайных движений твоих.

2001

* * *

Как услышу волну, увижу волну,
от ее тотчас задыхаюсь дыма,
словно тем беру на себя вину
за исход поверженных с рейдов Крыма.

Бесцветье глаз, смуглота висков.
Неутихающий скрип мостков.

Но приходит, видимо, мой черед
искать не ветра в открытом поле,
а ровным счетом наоборот:
преемника в потаенной доле

наследовать мне — беречь
волн и трапов двойную речь.

Москва